

ВСТРЕВОЖЕННАЯ СОВЕСТЬ НАЦИИ

«Звездным часом» американской литературы явились, как известно, тридцатые годы нашего века, когда экономические потрясения обнажили воочию пороки и язвы капиталистической системы и заставили целую плеяду писателей обратиться в своем творчестве к социальным проблемам — главным для общества. В последующие же десятилетия американская литература ушла в основном — я имею в виду подлинную литературу, а не порнографическое и детективное чтиво — в исследование глубокого, внутреннего мира индивида, нарушенных связей личности с обществом, человека с человеком. На этом пути американская литература имела и имеет немало достижений, но характерным ее отличием, безусловно обедняющим ее роль в обществе, становился отказ, иной раз даже демонстративный, от исследования наиболее животрепещущих социальных проблем.

В последние годы такие события, как американская агрессия во Вьетнаме, такие проблемы, как обострение классовых и расовых противоречий в США, все чаще и чаще находят прямое и косвенное отражение в литературе. И, конечно, не только в книгах (их, может быть, еще не так много), но и на страницах газет и журналов, где нередко печатаются выступления писателей, касающиеся больших вопросов современности.

Летом 1968 года в ожидании новых жарких событий в негритянских гетто городов Соединенных Штатов, в атмосфере усиливающегося протеста народных масс против постыдной войны во Вьетнаме еженедельник «Нью-Йорк таймс бук ревью» обратился к ряду писателей с анкетой. Ответам писателей было предпослано следующее редакционное вступление:

«Так как лето 1968 г. обещает — или угрожает — быть критическим в жизни Америки, мы попросили видных писателей снова вернуться к старому, но постоянно живому вопросу «ангажированной литературы». (Под широко распространенным в Западной Европе и США термином «ангажированная литература» подразумевается социальная направленность труда писателя и его личная политическая деятельность.— *Б. Г.*) Имея в виду сложнейшие проблемы в стране на сегодняшний день, собираются ли они, как индивиды или как писатели, провести это лето каким-либо необычным (ангажированным) образом? Участвуя в демонстрациях? Готовя листовки? Работая над романами «социального значения»? Важны ли подобные соображения для их творчества? Если нет, почему?»

Самым, пожалуй, интересным и острым был ответ Джеймса Болдуина. Интересен он прежде всего тем, что этот писатель-негр рассматривает глубоко волнующую его расовую проблему в связи со всем комплексом социальной и политической жизни Америки. Он пишет:

«Задолго до того, как начались мятежи в гетто, атмосфера была насыщена электричеством. Однако все делало вид, что горе негров как-то само собой рассеется или, по крайней мере, не нарушит общего мира. А теперь, когда вполне понятны гнев и боль чудовищно угнетенного народа достигли той степени, когда уже нет пути назад, когда стало ясно, что никакое умиротворение невозможно — когда, говоря иными словами, уже нельзя игнорировать правду, — белая Америка всерьез рассматривает возможности массового уничтожения...»

Боль за свой народ заставляет Джеймса Болдуина задуматься над судьбами страны в целом, он недвусмысленно выражает тревогу за будущее Америки, прямо говорит об угрозе фашизма.

«Мне кажется — пишет Болдуин, — что граждане этой страны не отвечают всерьез за свои учреждения, за тех, кто считается их представителями... Среди этих людей — этих представителей — и находятся самые самоуверенные, невежественные, опасные люди, которых мир когда-либо видел. И их цель, между прочим, не негры, с которыми, по их мнению, можно делать все, что угодно. Их цель — полная власть в стране и полная власть в мире. За эти слова меня можно посчитать параноиком. Именно так относились к тем несчастным (вскоре они стали трупами), которые понимали истинное значение поджога рейхстага. (Вскоре и у нас может быть такое...)»

Цитируя дальше слова негритянского писателя Ральфа Эллисона о том, что нет в мире более опасных людей, чем фанатики, Джеймс Болдуин утверждает, что Соединенные Штаты, их народ находятся «на краю карниза».

Касааясь своего представления о месте писателя в этом мире, Болдуин говорит:

«Для меня творчество — это акт любви и акт веры. Я надеюсь, работая, участвовать в спасении этой страны».

Писательница Гортензия Калишер пишет, что принимала участие в большинстве таких политических акций, как протесты против войны во Вьетнаме. Свое эстетическое кредо она характеризует следующим образом:

«Я никогда не верила, что работа пера может свершаться в башне из слоновой кости. Я не верю, что перо могущественнее меча, но в конечном счете оно может быть равно мечу».

Озабоченность писателей нынешним положением в Соединенных Штатах сквозит почти во всех ответах на анкету «Нью-Йорк таймс бук ревью». Так, писатель Уильям Гэсс пишет:

«Мы недостаточно служим своей стране, недостаточно ее любим, недостаточно страдаем от той коррупции, которая ее разъедает».

Литератор Джойс Керол Оатс заявляет:

«Трудно представить себе художника, который не был бы глубоко затронут теми социальными сдвигами, которые совершаются в нашей стране».

Анкета «Нью-Йорк таймс бук ревью» не является единственным симптомом возрастающей тревоги лучшей части американских писателей за судьбу своей страны. Есть и другие свидетельства, появляющиеся на страницах американских газет.

Осенью 1968 года газета «Интернешнл геральд трибюн» опубликовала интервью с писателем Джозефом Хеллером, чей антивоенный роман «Уловка-22»* имел большой читательский успех, о чем сообщает сама газета. На Бродвее осуществлена и постановка новой антивоенной пьесы Хеллера «Мы бомбили Нью-Хейвен».

В упомянутом интервью Хеллер совершенно четко высказывается по поводу войны, которую Соединенные Штаты ведут во Вьетнаме. Он заявляет:

«Я не верю в то, что нужно умирать по решению Дина Раска или Джонсона. Пусть они сами едут туда и умирают... Если бы это дело было популярно, люди бежали бы записываться в армию, а они не хотят воевать... Я ненавижу эту войну. Я питаю к ней отвращение. Я выступаю против нее».

Я считаю, что мы должны остановиться и уйти оттуда. Мы проигрываем эту войну. Во всяком случае, мы ее не выиграем... Я говорю, если вы противник этой войны — любыми средствами держитесь от нее подальше. Не следует умирать за то, во что вы не верите».

Из интервью с Хеллером выясняется любопытная деталь: считая, что против этой войны нужно активно бороться, писатель — в Соединенных Штатах это явление весьма редкое — включился в предвыборную кампанию за выдвижение кандидатом в президенты сенатора Маккарти, объявившего своей политической программой отказ от войны во Вьетнаме. Хеллер объяснил свою позицию тем, что вопрос об этой войне слишком серьезен и имеет слишком большое значение для его писательской позиции, для всего его творчества.

И вот здесь мы подходим, пожалуй, к самому главному — к симптомам того, что в среде американских литераторов за последнее десятилетие наметился существенный сдвиг в сторону переосмысления позиции писателя в этом мире, его «ангажированности» проблемами социальными, его ощущения себя совестью нации, осознания своей ответственности за судьбу своего народа, за его будущее.

В этом отношении весьма примечательно интервью с известным американским писателем Арчибалдом Маклишем, также опубликованное газетой «Интернешнл геральд трибюн», осенью 1968 года.

Этот 76-летний поэт и писатель, трижды удостоенный Пулитцеровской премии, завоевал известность еще в двадцатые годы. Он был одним из близких друзей Эрнеста Хемингуэя, активным общественным деятелем в тридцатые годы.

* Этот роман издан в СССР.

В своем интервью Маклиш утверждает, что поэзия в наше время вновь обретает социальное значение, и это его радует, ибо он убежден, что сердцем поэзии является политика в широком смысле слова.

«Значительная часть нашего общественного опыта, который должен вдохновить поэзию,— пишет Маклиш,— является в настоящее время опытом политическим. Думаю, что по мере нашего движения сквозь трудное и жестокое время, в которое мы живем сейчас и в которое будем жить, социальная озабоченность поэтов будет все больше усиливаться.

Поэзия должна иметь дело с общественными проблемами и с человеческим сердцем. А человеческое сердце — это и социальный инструмент, не только личный».

Арчибальд Маклиш выражает твердую уверенность, что поэзия не может быть «угасающей формой декоративной литературы, которая никому не нужна, она становится все более существенной частью современной жизни».

То, что Арчибальд Маклиш говорит о поэзии, относится к художественному творчеству вообще. И судя по выступлениям американских писателей, опубликованным в прессе за последнее время, лучшие из деятелей литературы и искусства Соединенных Штатов все больше и больше отдают себе в этом отчет.

Б. ГРИБАНОВ

«РАБОЧИЙ: ТЕМА — СУДЬБА»

«Тема труда и быта рабочего класса значительна и неисчерпаема, как сама жизнь, которая непрерывно развивается и обогащается. Она сложна и ответственна, но вместе с тем это благодатнейшая тема: в ней ярко проявляются результаты великого общественного процесса, изменившего мышление нашего народа».

Эти слова принадлежат болгарскому критику Севелине Гьоровой, выступившей на творческой встрече, организованной Союзом писателей Болгарии совместно с редакцией еженедельника «Литературен фронт». Во время встречи был намечен ряд тем, нуждающихся в широком обсуждении на страницах литературной печати. И, конечно, первая из них — тема рабочего класса в литературе. Ее обсуждение на страницах еженедельника «Литературен фронт» прошло под заглавием: «Рабочий: тема — судьба». Смысл этого заголовка раскрывается в словах болгарского поэта Любомира Левчева:

«Рабочий класс и его борьба — это не может быть только темой поэзии, это должно быть ее судьбой».

Разговор, в котором приняли участие многие деятели болгарской литературы, начал писатель старшего поколения Камен Калчев. Оценив по достоинству историческое значение современного рабочего класса, гениально предвиденное Карлом Марксом, и отдав должное Эмило Золя, одним из первых в литературе показавшему рабочий класс как великий резерв человечества, Камен Калчев отметил, что сегодняшний рабочий класс,

«сохранив свою классовую сущность, одновременно является иным: и по образу мыслей, и по культуре, и по быту. Сегодня он несет в себе все добродетели и недостатки народа плюс великое преимущество, которое состоит в том, что при социалистическом строе он, рабочий класс, ответствен за все происходящее вокруг, в том числе за жизнь и будущее родины, за жизнь и будущее человечества. Такая миссия никогда не была возложена ни на один класс!.. И писатели должны помочь историческому процессу, должны окунуться в великий океан страстей, желаний и порывов, не теряя генерального направления. Тогда мы откроем великие темы века и тех, кто несет великие идеи».

Начав разговор о рабочей теме в литературе, редакция еженедельника предоставила первое слово Камену Калчеву не только потому, что никто из болгарских писателей не создал так много (и на столь высоком идейно-художественном уровне) произведений о рабочем классе, как он, но и потому, что в своей статье Калчев сумел высказать многие соображения, которые в какой-то мере повторили или развили другие участники беседы. В частности, Камену Калчеву удалось очень четко охарактеризовать героя той литературы, которая была в центре обсуждения — современного ему рабочего.

В ходе дискуссии почти все ее участники говорили о характере тех изменений, которые рабочий класс претерпел за последние десятилетия. В своей статье «Духовное измерение образа» критик Атанас Свиленов писал:

«Давно уже понятие «рабочий» не связано лишь с физическими усилиями. Мы — свидетели революционных преобразований, которые не только коснулись